

— МНЕ бы не хотелось говорить только об Ахматовой, не хочется банализировать. Предстоит множество выступлений на эту тему. Мне вообще неприятно, что Ахматова оказалась центром таких бесчисленных, разнообразнейших и однообразных разговоров, реклам, шумихи. Прохожу мимо газетных киосков и вижу картину Натана Алтымана на календаре, воспроизведенную не в тех тонах, а если бы и в тех — все равно... Больно смотреть, как настоящее дружно пытаются превратить в подделку. Мы на пороге того, чтобы в ее родной деревне около Одессы устраивались народные празднества и ходили бы толпы и громко кричали: «Настоящую нежность не спутаешь ни с чем, и она тиха».

Непросто дать рекомендацию, как официально отметить юбилей поэта. Вопрос в том, надо ли вообще? Я сейчас приехал из страны, где отмечают двухсотлетие Французской революции. И это меня тоже пугает. В каждом киоске продаются якобинские колпаки, на каждом шагу можно купить маленькую гильотину. Корзиночка такая изящная, а там крохотная голова и по трубочке льется «кровь». Это есть пошлость. Как ее избежишь? Поэзия дело интимное. И когда вы спрашиваете, как протоптать народную тропу, — мне вспоминается песня, которую пели в свое время в капустнике «Давайте не будем»: «Уж мы прозу сеяли, сеяли, уж мы прозу вытопчем, вытопчем...»

В восемьдесят седьмом во Франции с помпой отметили юбилей Гюго. Но Гюго выдерживает. Он громогласный, он обращается к толпам. Он ведь не трагический, а триумфальный. А с триумфальной поэзией можно делать, что угодно. Во Франции нет ни одного города, даже, кажется, населенного пункта, где нет имени Гюго. И ничего. А в Ленинграде нет даже переулка имени Ахматовой. И не надо...

Я понимаю, она могла написать: «И если зажмут мой измученный рот, которым кричит стомиллионный народ...». Но если стомиллионный народ действительно начнет кричать, то это будет ужасно. Вся сила строки в том, что сказано тихим голосом женщины.

Во Франции я видел постановку по «Запискам» Чуковской. Актриса играла Чуковскую, другая — Ахматову. Славный спектакль, и то, что он шел по-французски, спасало. Там нет тонкой организации звуков, как в оригинале. Да и вообще, французский способствует изящному спектаклю о расправе с Ахматовой. Не помню, был ли Жданов, но голос был точно. Свириный, металлический. Потом пантомима, у нее отнимают хлебную карточку, лишают членского билета Союза писателей. Зошенко там появляется почему-то с бородой...

Нет, смешно мне не было. И когда видел театральную постановку по делу Бродского, по стенограмме Вигдоровой. Актеры изображали Бродского, Савельеву, Тягло, даже меня... Кстати, в Стокгольме во время вручения Бродскому Нобелевской премии Шведский любительский театр показал этот спектакль. Но мне кажется, потом не переспрашивал, что сам он не пошел. Страшно-важно...

А к юбилейным торжествам нужно было прежде всего издать полное собрание сочинений Ахматовой. Западный трехтомник вещь достойная, но на родине следовало подойти более профессионально, привлечь серьезных специалистов. С моей точки зрения, это самое главное. Как можно больше разных изданий с хорошими рисунками. Напечатать книжку, которую она сама хотела видеть, — «В ста зернах»: стихи, посвященные ей, хранилась у нее такая папка. Думаю, очень хороший подарок Ахматовой сделал

Центральный Комитет, отменив постановление сорок шестого и сняв имя Жданова не только в Ленинграде, но и всюду. Объявив, что такое Жданов...

Лет десять назад, может, больше, вышли «Прогулки с Пушкиным» Снявского. Книжка, конечно, кощунственная, необычно талантливая, но наглая. И я очень хорошо понимаю, почему Снявский, сидя в лагере, в письмах к жене писал эту книгу. Она — реакция на пошлость, на то, что делается и продолжает делаться с Пушкиным, которого — я-то

## Год и век Анны Ахматовой

# «КТО ЗНАЕТ, ЧТО ТАКОЕ СЛАВА!»

Встреча с Ефимом Григорьевичем Эткиндом, литературоведом и переводчиком, некогда профессором Института имени Герцена, приехавшим из Парижа на ахматовские торжества, состоялась благодаря ленинградскому поэту Михаилу Яснову. И долгий наш разговор за чаем не был, признаюсь, монологом, но...

знаю — Снявский необычайно любит. Повествование ведется от имени почти зошенковского героя, который может сказать, что Пушкин вбежал в литературу на тонких эротических ножках...

Про Пушкина никто не написал лучше, чем Ахматова в крохотной статье: мы достаточно говорили, что сделала эпоха с Пушкиным, теперь поговорим о том, что сделал Пушкин с эпохой... Думаю, Жданов останется только как гонитель Ахматовой и Зошенко.

Ахматова дала эпохе необыкновенно глубокое поэтическое истолкование. Она мыслила не годами — столетиями. Масштаб ее... не скажу — мысли, здесь мысль неважна — поэтических ощущений был огромный. Когда она писала цикл «Сороковой год», где говорится о судьбах Лондона, Парижа, Европы, — она жила общечеловеческими страданиями. И в «Реквиеме» она высказалась за поколение. Вся эпоха пропущена через одну женщину, трагический гармонизирована в звуках. Не думаю, что можно сделать что-либо важнее.

Во втором номере журнала «Иностранная литература» за этот год я уже говорил о западном восприятии судьбы Ахматовой. Для массового читателя ее жизнь недостаточно занимательна, а стихи недостаточно авангардны... Мы только что организовали в Бостоне большой симпозиум Ахматовой. Выступал Семен Липкин с очень сдержанным текстом, без эмоций. Потом были прямо противоположные воспоминания и стихи Евгения Рейна. Там много хорошего, и я не осуждаю его тон, ведь про нее, а не про себя. Но самое интересное — мемуарные записки инженера-короблестрелителя Натана Готхарда. Он написал несколько страничек о встречах с Ахматовой. И что поразительно — его там вообще нету. Ее голос записан на редкость достоверно. Обрывочки такие. Вдруг она ему говорит: слышала я радио французское, там все время Андрэ Жданов... Больше ничего. Ей было странно и смешно, что про палача можно так распевадно...

Вот почему, наверно, производят такое удивительное впечатление «Записки» Лидии

Корнеевны Чуковской. Она всячески устранилась, хотя она чрезвычайно сильная индивидуальность. Во Франции мне говорили: ну что за позиция, неприятная, вроде как она сама себя унижает, как бы прислуживает. Неправда! Она не способна себя унижать, она сама королева. Но когда королева умест отойти в тень и предоставить слово той, ради кого она записывает, это, по-моему, прекрасно...

Бродский об Ахматовой говорит редко (как вообще не торопится высказываться о том, что его волнует). Но за-

думываешься — что связывает этих двух поэтов? — и понимаешь: удивительное эпическое начало, лирика третьего лица. В стихах Бродского чаще есть «он», чем «я». Точка зрения — «со стороны». И у Ахматовой тоже очень отстраненная лирика. Как бы переживание в прошлом. Спокойная, незыблемая и даже неподвижная форма. Нет синхронности переживания и текста — как у Маяковского и Цветаевой. У них переживание может сломать текст — у Ахматовой никогда. Это проникновение эпического начала в лирику. Потому так легко переход от лирического признания к эпической элгии... И эта система унаследована Бродским, в наибольшей степени именно им...

У меня почти нет личных воспоминаний об Ахматовой. Однажды был трудный разговор. Я готовил один из первых выпусков Верлена и Бодлера в серии «Сокровища лирической поэзии». И очень просил Анну Андреевну помочь. Нет. Стихотворения Верлена существовали уже для нее в единственно возможной форме. Вообще, предпочтала переводить с языков, которые она знала не так хорошо, как французский.

Есть и еще одно воспоминание. Как-то перед уходом из ее будки в Комарове я сказал: «Анна Андреевна, у меня есть очень большая просьба...». Она поглядела на меня царственно и обронила: «Вы хотите, чтобы я подписала вам книгу?» И мне стало страшно обидно, ведь именно этого я и хотел. «Нет, Анна Андреевна, я хочу совсем другого — надписать свою книгу вам». У меня тогда вышел двухтомник «Семинарий по французской стилистике». Понимал, что ей это не очень нужно, но надписал. Ахматова посмотрела и строго произнесла низким, чуть хрипловатым голосом: «Никогда больше так не подписывайтесь». — «Почему?» — «Вы совершили несколько ошибок. Во-первых, нельзя надписывать на форзаце, надо на титульном листе. Во-вторых, вы подписали косо. Надо прямо. В-третьих, вы надписали без фамилии — Анна Андреевна, а надо — Анна Андреевна Ахматовой». С тех пор никогда иначе не подписываю...

Слушал и все время ловил себя на попытке отыскать внешние изменения. Кажется, их нет. Та же подтянутость и коррентность, то же обаяние и боль во взгляде мудреца, та же мягкая, чуть изгибающаяся за свою ироничную улыбку, глубокий голос, та же феноменальная память — было прочитано множество известных и неизвестных стихов. И, разумеется, огромная эрудиция, объемлющая всю мировую культуру. Единственное изменение: Ефим Григорьевич признал выдающимся деятелем культуры международного уровня. На встречу профессор Сорбонны приехал на троллейбусе № 8. И ждали мы его на остановке недолго, каких-нибудь десять минут. И пятнадцать лет.